

БЫЛ ЛИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ АВТОРОМ ПИСЬМА „РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА“ К ГЕРЦЕНУ?*

Сообщение Б. Козьмина

I

В № 64 герценовского «Колокола» — от 1 марта 1860 г. — было помещено «Письмо из провинции» за подписью «Русский человек». Автор этого письма, как известно, подверг резкой и жестокой критике отношение Герцена к политике русского правительства. Никаких расчетов на либерализм Александра II, по мнению автора письма, строить нет оснований: перед Россией один путь к обновлению — это народное восстание, должествующее смести с лица земли самодержавно-помещичий строй. Другого спасения для России нет. «К топору зовите Русь, — писал «Русский человек», заканчивая свое письмо. — Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам ее поддерживать».

Этот замечательный документ до сих пор остается для нас загадкой. Кто был его автором? Кто послал Герцену пламенный призыв к революции?

В последнее время в нашей исторической литературе начинает находить себе все больше сторонников взгляд, приписывающий авторство этого письма Н. Г. Чернышевскому. В частности, в литературе, вызванной столетним юбилеем со дня рождения Чернышевского, а также в позднейшей, попадаются нередко категорические (но в большинстве случаев ничем не мотивированные) утверждения о том, что письмо «Русского человека» написано Чернышевским. Встречая такие утверждения, можно думать, что вопрос об авторстве интересующего нас письма решен уже окончательно, что причастность к нему Чернышевского никаких сомнений не вызывает. Между тем, это не так. Поэтому мы и решаемся вновь поднять вопрос об авторстве Чернышевского и рассчитываем показать, что аргументы, приводимые сторонниками решения этого вопроса в положительном смысле, не выдерживают критики. Но этого мало. Содержание самого письма противоречит этому предположению и заставляет отказаться от него. Безапелляционное утверждение об авторстве Чернышевского, насколько нам известно, впервые было высказано в нашей литературе покойным М. К. Лемке, который в 1912 г. во вступительной заметке к статье Н. А. Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» писал про интересующий нас документ: «Что это письмо действительно написано Чернышевским, я имею доказательства в показании покойного А. А. Слепцова, записавшего это с собственных слов Н. Г., и еще в некоторых документах, опубликование которых откладываю до своей большой работы о 1860-х годах»¹.

Через семь лет, в примечаниях к X тому «Полного собрания сочинений» А. И. Герцена, Лемке вновь повторил свое утверждение относительно авторства Чернышевского, ссылаясь опять-таки на сообщение А. А. Слепцова².

* Печатается в порядке обсуждения.

Наконец, в 1923 г. Лемке удалось издать ту свою «большую работу», о которой он писал в 1912 г. Мы имеем в виду его книгу «Политические процессы в России 1860-х годов». В ней автор со свойственной ему решительностью заявил (стр. 167): «Сомневаться в принадлежности этого романа Чернышевскому могут только ученые á la Клочков». Однако, и здесь Лемке ограничился ссылкой только на Слепцова. Никаких обещанных им других документов, подтверждающих авторство Чернышевского, и в этой книге Лемке не привел.

Вслед за Лемке его утверждение относительно интересующего нас документа было повторено рядом исследователей, писавших про Чернышевского. При этом они обычно считали лишним приводить какие-либо доказательства в пользу авторства Чернышевского или, в лучшем случае, ссылались на то, что Лемке, якобы, «убедительно доказал» принадлежность письма «Русского человека» Чернышевскому. На ту же точку зрения стал автор книги «Н. Г. Чернышевский и его литературные враги»³, Г. О. Берлинер, который находит, что «можно, не опасаясь грубой ошибки, считать автором письма Чернышевского». При этом Г. О. Берлинер, в отличие от других исследователей, не ограничивается ссылкой на аргументацию Лемке и приводимое им свидетельство Слепцова, а выдвигает ряд дополнительных аргументов, которые, по его мнению, подтверждают это свидетельство. Нам придется еще говорить об этих аргументах, и тогда мы оценим степень их убедительности.

На ряду с этим некоторые другие исследователи высказывались относительно принадлежности письма «Русского человека» перу Чернышевского в менее категорической форме.

М. Н. Покровский писал: «Принадлежность этого письма Чернышевскому не бесспорна, но все же очень вероятно — есть прямые указания»⁴. Очевидно, под «прямыми указаниями» М. Н. Покровский подразумевал то же самое свидетельство Слепцова.

Ю. М. Стеклов в своей монументальной биографии Чернышевского, приведя свидетельство Слепцова, пишет: «Это более чем вероятно по общему тону и содержанию статьи (т. е. письма «Русского человека»), точно отвечающим действительным взглядам Чернышевского, которые в подцензурной печати он мог выражать лишь туманными намеками»⁵.

Более осторожно к письму «Русского человека» подходит М. В. Нечкина, полагающая, что «вопрос» об авторстве Чернышевского еще очень темен и требует тщательного исследования». При этом М. В. Нечкина высказывает некоторые соображения относительно ненадежности известного уже нам свидетельства А. А. Слепцова⁶. О соображениях ее нам придется говорить ниже.

Как мы видим, вопрос об авторстве Чернышевского большинством исследователей разрешается в положительном смысле.

II

Попробуем же разобраться в этом вопросе и рассмотреть, какой доказательной силой обладают аргументы, приводимые в подтверждение авторства Чернышевского, и в первую очередь свидетельство А. А. Слепцова.

Как мы уже говорили, М. К. Лемке трижды ссылается на это свидетельство. Необходимо прежде всего отметить, что в этих трех случаях он давал расходящиеся между собою указания относительно источника, откуда и заимствовано сообщение Слепцова.

В комментариях к сочинениям Добролюбова Лемке рассказывал, что Слепцов записал со слов Чернышевского его признание относительно авторства интересующего нас документа. В примечаниях к собранию сочинений Герцена Лемке писал, что в бумагах А. А. Слепцова им была найдена копия письма «Русского человека» с пометкой Слепцова: «Написано Н. Г. Чернышевским и прочитано мне до отправления к Герцену». Наконец, в книге «Политические процессы»

Лемке ссылается на воспоминания, которые Слепцов написал по его просьбе и отрывки из которых Лемке опубликовал в примечаниях к X и XVI томам собрания сочинений Герцена.

При этом в двух последних случаях текст свидетельства Слепцова передается Лемке различно. В первом случае: «Написано Н. Г. Чернышевским...»; во втором: «Писано Н. Г. Чернышевским...» Это может показаться мелочью, но во всяком случае эта мелочь такова, что заставляет насторожиться.

Но дело не в этой мелочи, а в том ничем не объяснимом расхождении в указаниях Лемке на источник, из которого им заимствовано свидетельство Слепцова: в одном случае — запись слов Чернышевского, сделанная Слепцовым, в другом — копия письма «Русского человека», с пометкой Слепцова, в третьем — воспоминания, написанные Слепцовым. Таким образом, при противоречивости этих указаний оказывается, что мы так и не знаем, откуда же Лемке заимствовал интересующее нас сообщение Слепцова. Печальнее всего — это то, что мы лишены даже возможности проверить, какая из трех расходящихся между собою ссылок Лемке соответствует действительности. Дело в том, что ни копии письма «Русского человека», ни автографа воспоминаний Слепцова, ни вообще каких-либо записей, сделанных последним, никто, кроме Лемке, не видал, и где находятся они, — если только они в действительности существовали, — никому не известно.

Полагаем, что уже одного этого достаточно, чтобы взять под сильное сомнение достоверность приводимого Лемке довода в подтверждение авторства Чернышевского. Имеются и другие соображения, подкрепляющие это сомнение.

М. В. Нечкина в упомянутом выше обзоре юбилейной литературы по Чернышевскому писала:

«Все, что мы знаем о Чернышевском, о его величайшей конспиративной осторожности и, наконец, просто о его привычках, — прямо кричит против утверждения Слепцова. Чего ради стал бы Чернышевский Слепцову, к которому он относился не с полным доверием, читать такой документ? Кроме того, вспомним факт, подтверждаемый массой других свидетельств, о привычках Чернышевского и очень ярко выраженный им самим: «Всякий, близко знающий (меня), знает, что это нравственная невозможность. Я никогда не читаю никому что бы то ни было написанное мною. Этот обычай столь же чужд мне, как танцевание балетных танцев и собирание милостыни под окнами».

Нельзя не согласиться с правильностью и убедительностью этих указаний М. В. Нечкиной. Однако, как мы сейчас убедимся, свидетельство Слепцова находится в противоречии не только с привычками Чернышевского и с недостаточным доверием его к Слепцову, но и с другим, еще более существенным обстоятельством.

В марте 1860 г., когда на страницах «Колокола» появилось письмо «Русского человека», Слепцов был чиновником II отделения собственной его императорского величества канцелярии; благонадежность его еще не вызывала ни в ком никаких сомнений. Конечно, он был либералом (тогда все чиновники, заботившиеся о своей карьере, были либералами), но либерализм его не выходил за пределы, дозволенные начальством. В начале июля 1860 г. Слепцов отправился в заграничную командировку по служебным делам и вернулся в Россию в конце ноября того же года. Во время пребывания за границей Слепцов посетил Герцена. Насколько в то время Слепцов был невинен в политическом отношении, можно судить по его собственному признанию. В своих воспоминаниях он указывает, что ко времени посещения Герцена он еще не успел «продумать» взгляды и мнения Герцена относительно положения дел в России. На Герцена Слепцов, повидимому, произвел хорошее впечатление. Герцен много говорил с ним, и в частности на тему о необходимости объединения недовольных правительством элементов в России. Слепцов весьма заинтересовался словами Герцена и по возвращении в Россию решил познакомиться с Чернышевским, как с признанным вождем радикального крыла русского общества того времени. Раздобыв рекомендательное письмо от Н. Н.

Обручева, Слепцов отправился к Чернышевскому. По его собственному свидетельству, первое свидание его с Чернышевским состоялось в июле 1861 г., т. е. через год с лишним после появления на страницах «Колокола» письма «Русского человека»⁷.

Вот факты, частью стоящие вне всяких сомнений, частью же заимствованные из тех же самых воспоминаний Слепцова, на которые ссылается Лемке. Какую же цену может иметь при таких условиях сообщение Слепцова относительно письма «Русского человека», которому так слёпо поверили Лемке и другие исследователи? Ясно, что — никакой!

Итак, то свидетельство Слепцова, на основании которого вопрос об авторстве Чернышевского разрешался и разрешается до сих пор в положительном смысле, отпадает. Других аргументов в защиту этого решения не имеется, кроме тех, которые приводит Г. О. Берлинер в своей книге «Н. Г. Чернышевский и его литературные враги». Посмотрим, насколько убедительны его соображения.

Прежде всего, Г. О. Берлинер обращает внимание на отношения автора «Письма из провинции» к подготавливавшейся в то время правительством отмене крепостного права. Автор письма высказывает убеждение, что правительство не даст крестьянам той воли, которой они ждут и в которой нуждаются. Не дадут им ее и «либералы, профессора, литераторы», готовые защищать безземельное освобождение крестьян. Автор письма понимает, что правительство примет все меры к ограждению интересов дворянства.

Указав на такое отношение автора письма к крестьянской реформе, Г. О. Берлинер находит, что проявить его мог «только человек в высшей степени обеспокоенный ходом крестьянской реформы и с тревожным вниманием следящий за тем, как эта реформа осуществляется». Таким именно человеком и был Чернышевский, он «ближе всех принимал к сердцу интересы крестьян».

Этому аргументу Г. О. Берлинера нельзя придавать серьезного, а тем более решающего значения. В 1860 г. ходом крестьянской реформы был «обеспокоен» не один Чернышевский, а все представители левого крыла русской общественности того времени. И не один Чернышевский, а многие понимали уже тогда, что крестьяне не получат от правительства то, в чем они нуждаются. Это — общезвестно, и мы можем ограничиться одним — в достаточной степени ярким — доказательством только что сказанного. В июне 1861 г. беллетрист Н. Успенский по прочтении в «Колоколе» статьи Огарева, который, проанализировав правительственную реформу, приходил к выводу, что старое крепостное право не отменено, а заменено новым, и что, таким образом, «народ царем обманут», писал К. К. Случевскому:

«Я давно предчувствовал это и не интересовался манифестом и не читал новых положений»⁸.

Таким образом, даже такому сравнительно далекому от политической жизни человеку, как Н. Успенский, было ясно, что правительственная реформа не даст надлежащего разрешения крестьянского вопроса. Другими словами, в отношении к правительственной реформе автора «Письма из провинции» нет ничего такого, что было бы присуще исключительно одному Чернышевскому.

Еще слабее другой аргумент Г. О. Берлинера:

«Автор интересующего нас письма жалуется на запрещение русским органам прессы писать о духовенстве и об откупах. Такое запрещение,—пишет Г. О. Берлинер,—могло особенно раздражить того, кто писал или хотел писать по этим вопросам». Чернышевский дважды писал об откупах⁹. Отсюда вывод — автор письма был не кто иной, как Чернышевский.

Если Г. О. Берлинер перелистает журналы и газеты конца 50-х и начала 60-х годов, то убедится, что вопрос об откупной системе привлекал к себе в то время всеобщее внимание. Тогдашние органы прессы были переполнены статьями, заметками, проектами и предложениями по этому вопросу. Таким образом, запре-

шение писать об откупках могло и должно было «раздражить» не одного только Чернышевского, но и многих других людей, придававших большое значение этому вопросу.

Наконец, третий и последний аргумент Г. Ю. Берлинера, на первый взгляд кажущийся значительно более убедительным, чем предыдущие, сводится к следующему:

«Чернышевскому свойственно употребление родительного падежа после глагола «надеяться»... Пример такого же употребления находим и в письме». При этом Г. О. Берлинер указывает на то место, где автор письма говорит о либералах, которые «еще надеются мирного и безобидного для крестьян разрешения вопроса». В подтверждение же, что Чернышевскому действительно было свойственно такое согласование, Г. О. Берлинер ссылается на его статью «Русская Беседа и ее направление», где мы находим фразу: «Нет, этого нельзя надеяться». (Соч., т. III, стр. 421)¹⁰.

Однако, этот довод Г. О. Берлинера был бы убедительным лишь в том случае, если бы Берлинеру удалось доказать, что употребление родительного падежа после глагола «надеяться» (вместо винительного с предлогом «на») было индивидуальной особенностью Чернышевского. В действительности же это не так. То же самое сочетание родительного падежа с глаголом «надеяться» мы встречаем и у других писателей того времени. Так, в статье неизвестного тогда крепостника Н. Герсеванова об отказе крестьян от употребления водки, напечатанной в № 32 «Северной Пчелы» за 1859 г., высказывается предположение, что этот отказ даст откупщикам возможность и «полное право просить и надеяться с бабки откупной суммы» (вносимый ими в казну %).

Этот пример служит яркой иллюстрацией того, с какой осторожностью надлежит относиться к «стилистическим особенностям» при установлении авторства, и убеждает нас в том, что и третий аргумент Г. О. Берлинера не сильнее двух первых.

Итак, все три его довода оказываются несостоятельными. При этом по самому своему характеру они даже в том случае, если бы нам не удалось опровергнуть их, могли иметь значение не самостоятельное, а только лишь в качестве подкрепления и подтверждения какого-либо другого довода, обладающего большой доказательной силой. Таким именно доводом является для Г. О. Берлинера свидетельство Слепцова, поскольку же это свидетельство отпадает, постольку же лишаются какого бы то ни было значения и дополнительные аргументы Г. О. Берлинера. Ведь несомненно, что не будь в наличии разобранным нами выше сообщения Слепцова, Г. О. Берлинер не рискнул бы отстаивать авторство Чернышевского исключительно на основании одних только приводимых им дополнительных аргументов. Он сам смотрит на них лишь как на подкрепление, а не как на доводы, имеющие самостоятельное, решающее значение.

В конечном счете приходится констатировать, что никаких серьезных и убедительных аргументов в подтверждение принадлежности Чернышевскому «Письма из провинции» никем до сих пор не приведено.

Но этого мало, — мы покажем сейчас, что самое содержание интересующего нас документа свидетельствует о том, что он не мог выйти из-под пера Чернышевского.

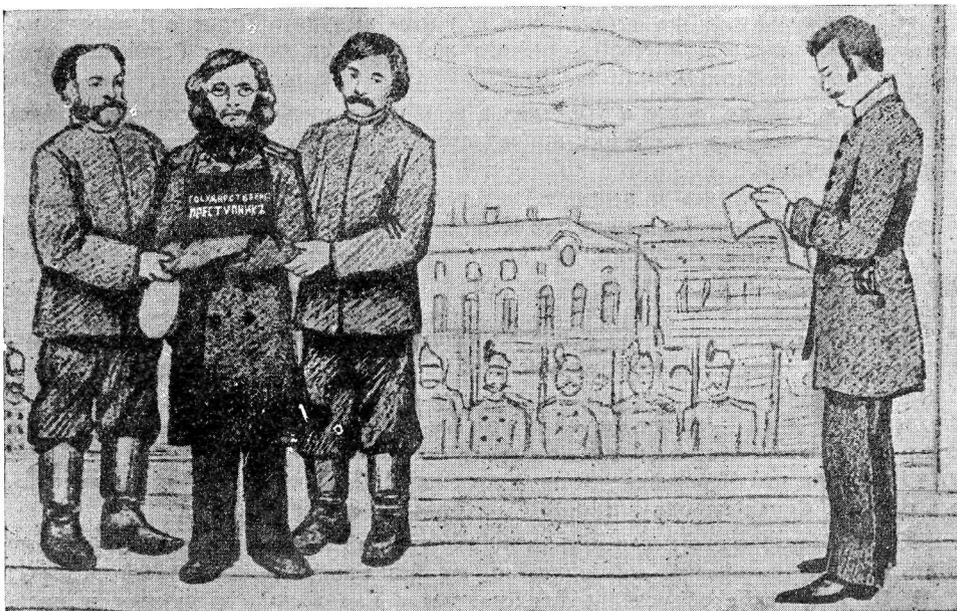
Как мы уже упоминали, «Русский человек» ставит свою задачу доказать Герцену, что «вера в добрые намерения царей» не оправдывается ни историей, ни современным положением вещей в России. Он уговаривает Герцена оставить какие бы то ни было надежды на правительство и начать разоблачать царя, вместо того, чтобы убеждать его, как это делает Герцен. Пусть Герцен не «обманывается призраками» и расстанется с верой в «прогрессивные стремления нашего правительства». «Александр II скоро покажет николаевские зубы». «Не увлекайтесь толками о нашем прогрессе, мы все еще стоим на одном месте... Не обманывайтесь надеждами и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии, когда она

многим пригодилась бы... Пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат!»

Как видим, письмо «Русского человека» написано в расчете переубедить Герцена и заставить его изменить то направление, которое он придал своему «Колоколу».

Мог ли Чернышевский ставить себе такую задачу в начале 1860 года? Мы полагаем, что на этот вопрос возможен только отрицательный ответ.

Известно, что еще в июне 1859 г. Чернышевский ездил в Лондон для того, чтобы объясниться с Герценом по поводу резкого выпада, сделанного последним на страницах «Колокола» против Чернышевского и Добролюбова. О чем говорили при свидании Герцен и Чернышевский, нам, к сожалению, неизвестно. Однако,

ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Рисунок неизвестного художника

Музей Революции, Москва

несомненно одно: в результате этого свидания как Герцен, так и Чернышевский убедились в том, что им не по дороге. В разговоре для них выяснилось коренное расхождение их во взглядах на политическое положение России.

«Кавелин в квадрате — вот вам все». Так в письме к Н. А. Добролюбову Чернышевский формулировал впечатление, вынесенное им от свидания с Герценом¹¹. Ясно, что обозначала формулировка Чернышевского: Герцен с его точки зрения — либерал, не более, и революционному демократу Чернышевскому с ним не по пути. Сколько бы они ни говорили друг с другом, они не смогут договориться, ибо слишком расходятся их взгляды и убеждения, и политическое положение России они расценивают совершенно различно.

Итак, Чернышевский еще в 1859 г. убедился, что Герцен неисправим и что переубедить его нельзя, как нельзя переделать натуру человека. Вот почему нам представляется совершенно невероятным, чтобы Чернышевский после свидания с Герценом стал делать какие-либо попытки воздействовать на него. В глазах Чернышевского это было делом совершенно безнадежным — настолько же безнадежным, как сделать из Кавелина революционного демократа.

Нам могут возразить, что Чернышевский мог рассчитывать на воздействие не столько на самого Герцена, сколько через его голову на многочисленных чи-

тателей и почитателей «Колокола». При таких условиях форма письма была для него только литературной формой, которую он по тем или иным соображениям предпочел. Однако, и такое предположение представляется нам недостаточно обоснованным.

Чернышевский знал, что Герцен открывает широкий доступ на страницы своих изданий для инакомыслящих. Он не мог ни на минуту сомневаться, что, какую бы форму он ни придал своим писаниям, все написанное им и посланное Герцену будет последним напечатано. Вот почему, если бы Чернышевский хотел использовать герценовский «Колокол» для откровенного разговора с читателями, обеспеченного от вмешательства цензорского карандаша, ему не было бы необходимости придавать своему произведению форму письма к Герцену и обращаться к последнему с какими бы то ни было советами.

«Русский человек» не потерял еще надежды вынудить Герцена изменить направление «Колокола». У Чернышевского же после свидания с Герценом такой надежды уже не было¹².

Пойдем, однако, далее и убедимся в том, что в письме «Русского человека» имеется ряд моментов, делающих принадлежность его перу Чернышевского более чем сомнительной.

Не будем говорить о заглавии интересующего нас документа. Он назван: «Письмо из провинции», а между тем Чернышевский в то время жил не в провинции, а в Петербурге. Допустим, что указание на «провинцию» было сделано, как это утверждает Ю. М. Стеклов, из соображений конспирации и что поэтому аргументировать ссылку на него нельзя.

Гораздо существеннее, по нашему мнению, другое обстоятельство, а именно: автор письма, оспаривая утверждение Герцена относительно того, что во время Крымской войны народ шел вместе с царем, ссылается на свои собственные наблюдения. «Я жил, — пишет он, — во время войны в глухой провинции, жил и таскался среди народа».

Известно, что Чернышевский во время войны жил не в «глухой провинции», а в столице. Среди народа он вообще никогда не «таскался».

Ю. М. Стеклова это место письма не смущает. «Это указание сделано с целью сбить с толку полицию», — авторитетно, но без всяких доказательств заявляет он¹³. Однако, такое объяснение представляется нам весьма натянутым и маловероятным. Никакими основательными соображениями в данном случае конспирация не вызывалась. И при отсутствии приведенного места у полиции все-таки не было никаких доказательств того, что письмо к Герцену могло быть написано Чернышевским. Это — во-первых. А во-вторых, по нашему мнению, трудно допустить, чтобы Чернышевский, оспаривая Герцена, мог избрать такой аргумент (собственные его наблюдения в «глухой провинции»), заведомая ложность которого была ясна для его противника. Ведь, это значило бы ставить самого себя в неудобное положение по отношению к своему оппоненту. Чернышевский был настолько умным и осторожным человеком, что, если бы он хотел конспирировать и сбивать с толку полицию, он нашел бы для этого ряд способов, гораздо более ловких и удобных для него самого.

«На чужой стороне, в далекой Англии, — пишет «Русский человек» Герцену, — вы, по собственным словам вашим, возвысили голос за русский народ, угнетаемый царскою властью, вы показали России, что такое свободное слово... и за то, вы это уже знаете, все, что есть живого и честного в России, с радостью, с восторгом встретило начало вашего предприятия».

Эти слова мог написать только такой человек, который в начале работы герценовского вольного станка в Лондоне с восторгом относился к его литературной деятельности и лишь позднее разочаровался в ней. Был ли таким человеком Чернышевский?

Отвечая на этот вопрос, мы имеем возможность сослаться на свидетельство самого Чернышевского, данное им в примечании к одному из писем Н. А. Добро-

любова (письмо к Н. П. Турчанинову от 1 августа 1856 г.). Из этого примечания видно, что уже летом 1856 г. Чернышевский относился к Герцену отрицательно. Когда восхищенный Добролюбов, бывший в то время большим поклонником Герцена, принес Чернышевскому французскую брошюру Герцена «О развитии революционных идей в России» и второй номер его «Полярной Звезды», Чернышевский весьма огорчил Добролюбова своим «недовольством некоторыми понятиями Герцена» и «холодными отзывами» о его произведениях. Поясняя этот эпизод, Чернышевский говорит о себе, что он «уже имел тогда образ мыслей, не совсем одинаковый с понятиями Герцена и, сохраняя уважение к нему, уж не интересовался его новыми произведениями»¹⁴.

Ясно, что при таких условиях возлагать какие-либо надежды на герценовские «Полярную Звезду» и «Колокол», а тем более восхищаться ими Чернышевский не мог.

Автор интересующего нас письма зло высмеивает надежды Герцена на либерализм Александра II. Предупреждая Герцена о невозможности увлекаться толками о начавшемся в России «прогессе», он указывает на половинчатость и непоследовательность этого прогресса и, в частности, напоминает Герцену об изданном в 1857 г. циркуляре, запрещавшем русским газетам и журналам писать о крестьянском вопросе. «Так и теперь,—пишет «Русский человек»,—господин Галилеянин запретил писать о духовенстве и об откупках».

Конечно; Герцен хорошо понял намек, заключенный в этих словах. Он понял, что «Русский человек» напоминает ему статью «Через три года», напечатанную Герценом в 1858 г. в № 9 «Колокола». В этой статье, написанной под непосредственным впечатлением от первых шагов русского правительства в сторону пересмотра отношений крестьян к помещикам, Герцен обращался к Александру II со словами: «Ты победил, Галилеянин!».

Уместно ли было со стороны Чернышевского такое напоминание Герцену о его переоценке правительственного либерализма? Конечно, нет. Известно, что в 1858 г. Чернышевский сам, подобно Герцену, переоценивал значение принятых правительством мер к пересмотру положения крепостных крестьян. И если Герцен обращался тогда к Александру II со словами: «Ты победил, Галилеянин!»—то и Чернышевский в то же самое время адресовал тому же Александру цитату из псалмов: «Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие, сего ради помаза тя бог твой!»¹⁵.

Трудно предполагать, чтобы при таких условиях Чернышевский стал напоминать Герцену об этой его ошибке. Ведь, если мы не знаем, кто был автором письма «Русского человека», то Герцен хорошо это знал. Не мог он не знать и о статье Чернышевского с эпиграфом из псалмов¹⁶.

Наконец, и заключительная часть письма «Русского человека» делает весьма маловероятной принадлежность его перу Чернышевского. Трудно допустить, чтобы призыв к немедленному восстанию, которым заканчивается письмо («к топору зовите Русь»), вышел из-под пера Чернышевского. Известно, что в том единственном случае, когда Чернышевский сделал попытку обратиться к народу с прямым революционным призывом (мы имеем в виду его прокламацию «Барским крестьянам»), он упорно и настойчиво указывал на необходимость более или менее длительной и тщательной подготовки, которая должна предшествовать восстанию и в которой Чернышевский усматривал необходимое условие для его успешности.

«Надо мужикам промеж себя согласиё иметь,—писал он,—чтобы заодно быть, когда пора будет. А куда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно в беду не вводить, значит спокойствие сохранять и виду никакого не показывать... Когда все готовы будут, значит, везде поддержка подготовлена, ну тогда дело начинай. А до той поры рукам воли не давай, смиренный вид имей, а сам промеж своим братом мужиком толкуй, да подговаривай его, чтобы дело в настоящем виде понимал. А когда промеж вами единодушие будет, в ту пору и назначение выйдет, что пора дескать всем дружно начинать. Мы увидим, когда пора будет, и объявление сделаем. Ведь у нас

по всем местам свои люди есть, отовсюду нам вести приходят, как народ, да что народ? Вот мы и знаем, что покудова нет приготовленности...»

Как мало похожа эта осторожная постановка вопроса о подготовке к восстанию на решительный призыв герценовского корреспондента «звонить в набат» и «звать к топору»!

Немыслимо допустить, чтобы Чернышевский, который в 1861 г., когда он писал прокламацию «Барским крестьянам», находил, что в России «покудова нет приготовленности» к восстанию, за год перед тем, когда появилось письмо «Русского человека», стоял на противоположной точке зрения и полагал, что в то время «приготовленность» уже была. Внимательно следивший за русской жизнью, и, в частности, за настроением крестьянских масс, Чернышевский не мог не знать, что в 1860 г. в России было еще меньше «приготовленности» к революции, чем в 1861 г., когда классовая борьба начала развертываться все сильнее.

И если после крестьянских волнений, прокатившихся по всей России в 1861—1862 гг., Чернышевский с осуждением отнесся к авторам «Молодой России», которые, вслед за «Русским человеком», звали народ к немедленному восстанию, не забываясь об его подготовке, то уже один этот факт должен убедить нас в том, что «Письмо из провинции» не могло выйти из-под его пера¹⁷.

Итак, целый ряд приведенных нами соображений убеждает нас в том, что «Письмо», напечатанное в «Колокол», было написано кем-то другим, а не Чернышевским. Кем именно, мы, к сожалению, определить не можем. Одно только для нас несомненно, а именно — что автор интересующего нас документа воспитался на сочинениях Чернышевского и Добролюбова и в общем разделял их политические взгляды и, в частности, их убеждение в том, что без революции аграрный вопрос в России не получит разрешения, благоприятного для крестьянства. Но того умения объективно и трезво взвешивать и оценивать политическую обстановку, которое отличало Чернышевского и Добролюбова и под влиянием которого Добролюбов в 1861 г. писал про революцию в России:

О, подожди еще, желанная, святая!
Помедли приходить в наш боязливый круг!
Теперь на твой призыв ответит тишь немая,
И лучшие друзья не приподымут рук,—

этого умения у автора «Письма из провинции» не доставало.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. IV. М. 1912 г., стр. 35—36.

² Там же, стр. 224.

³ М.—Л.; 1930 г., стр. 76—78.

⁴ См. его статью «Н. Г. Чернышевский, как историк» в VIII т. журнала «Историк-марксист», стр. 23.

⁵ Ю. Стеклов, Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность, т. II, стр. 51—52.

⁶ М. Нечкина. Юбилейная литература об Н. Г. Чернышевском. «Историк-марксист», т. X, стр. 220.

⁷ Герцен, Собрание сочинений, т. X, стр. 425—427.

⁸ Чуковский, Люди и книги шестидесятых годов, М. 1934 г., стр. 285.

⁹ Статьи «Откупная система», № 10 «Современника» за 1859 г. и «Предложение г. Закревского относительно винного акциза» в № 12 того же журнала за 1860 г.

¹⁰ Г. Берлинер, Н. Г. Чернышевский и его литературные враги, М.—Л. 1930 г.

¹¹ Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. II, М. 1928 г., стр. 365—366.

¹² Интересно отметить одно место в письме «Русского человека». Автор его пишет: «Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! Эту мысль уже вам, кажется, выскazyвали...» Мы полагаем, что в подчеркнутых нами словах можно видеть

намек на посещение Герцена Чернышевским. Как ни конспиративно обставлена была поездка Чернышевского в Лондон, в революционных кругах того времени, по свидетельству современника (см. воспоминания С. Г. Стахевича в сборн. «Н. Г. Чернышевский», изд. Об-ва политкаторжан, М. 1928 г., стр. 56—57), о ней кое-что знали; знали о ней также и в либеральных кругах; это видно из письма В. П. Боткина к И. С. Тургеневу от 23 августа 1859 г. («В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка». М. 1930 г., стр. 157). Повидимому, и до «Русского человека» дошли какие-то сведения о посещении Герцена Чернышевским, но точностью эти сведения не отличались; иначе он не стал бы писать: «кажется». Если наши соображения верны, то они могут служить еще одним аргументом против авторства Чернышевского.

¹³ Названное сочинение, т. II, стр. 53.

¹⁴ «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», т. I, М. 1890 г., стр. 319.

¹⁵ Эпиграф к статье Чернышевского «О новых условиях сельского быта», напечатанной в февральской книжке «Современника» за 1858 г.

¹⁶ Ю. М. Стеклов объясняет этот эпиграф «политической хитростью» Чернышевского и его желанием «отрезать правительству путь к отступлению». «Хвала Александру II,— пишет он,— за решительный, как в первый момент показалось, приступ к реформе, Чернышевский этим как бы намекал, что демократическая часть русского общества поняла рескрипт Назимову как принципиальный отказ правительства от крепостного права, что на этом пути для него нет возврата и что похвалы за такую решимость равнозначщи порицанию за какие бы то ни было попытки сохранить старый порядок» (Названное сочинение, т. II, стр. 70—71 и 77). Высказывая такое предположение Ю. М. Стеклов не считает нужным аргументировать его. Нам лично толкование Стеклова представляется весьма искусственным и маловероятным. Трудно допустить, что Чернышевский в 1858 г. мог рассуждать на то, что его голос способен «отрезать правительству путь к отступлению». Чернышевский не был настолько наивным, чтобы верить, что цитата из псалма может заставить правительство твердо проводить намеченную реформу и закрыть ему путь к отступлению. Но если бы даже предположение Стеклова соответствовало действительности, то это несколько не меняло бы положения дела в интересующем нас вопросе. Если даже цитата из письма была «политической хитростью» со стороны Чернышевского, то это еще не делало для него удобным напоминанием Герцену об его ошибке. Герцен без труда мог отпарировать этот удар.

¹⁷ Об отношении Н. Г. Чернышевского к «Молодой России» см. в моей статье «К истории Молодой России» в № 6 «Каторги и Ссылки» за 1930 г., стр. 61—69.